

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Равочкин Н.Н., Попов Е.А. Неформальные практики в сетях интеллектуалов: социально-философский анализ // Социодинамика. 2024. № 3. DOI: 10.25136/2409-7144.2024.3.70168 EDN: DCIAHH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70168

Неформальные практики в сетях интеллектуалов: социально-философский анализ

Равочкин Никита Николаевич

ORCID: 0000-0003-1247-8231

доктор философских наук

профессор кафедры истории, философии и социальных наук, Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева; профессор кафедры педагогических технологий, Кузбасский государственный аграрный университет имени В.Н. Полецкого

650000, Россия, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Весенняя, 28

✉ nickravochkin@mail.ru

Попов Евгений Александрович

доктор философских наук

профессор, кафедра социологии и конфликтологии, Алтайский государственный университет

656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Ленина, 61

✉ popov.eug@yandex.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2024.3.70168

EDN:

DCIAHH

Дата направления статьи в редакцию:

17-03-2024

Дата публикации:

24-03-2024

Аннотация: Функционирование общества и его институтов проявляется в различных практиках, которые воплощают в жизнь как официально закрепленные, так и самые

различные социокультурные нормы. Предмет исследования настоящей работы включает в себя системы взаимодействий и отношений в сетях интеллектуалов, которые складываются в процессе хабиутализации механизмов неформальных практик в контексте современного общественного развития. Изучены формальные нормативные основания современных обществ, обеспечивающих их стабильность и перспективы развития. Руководствуясь концепцией Р. Мертонa, авторы делают акцент на признании допустимости отклонений от идеальных нормативных замыслов. Объектом исследования выступают процессы институционализации неформальных практик в актуальных условиях социального бытия. Представлена специфика оформления intersубъективных взаимодействий между участниками сетей интеллектуалов в различные неформальные институты, в соответствии с чем их элементы становятся общепринятой практикой и на деле подтверждают свою значимость в складывающихся отношениях, направляя развитие современных социальных систем. Методологические основы исследования составляют работы по социальной философии, социологии, истории и политологии. Авторы также обращались к методам и принципам институционального, праксиологического, сетевого и системного подхода, а также теории социального взаимодействия. Научная новизна проведенного исследования заключается в выявлении предельных оснований неформальных практик, обосновании их эвристических преимуществ для современного общественного развития в теоретико-прикладном аспекте, анализе регулятивных возможностей интеллектуальных сетей по отношению к нормативным основаниям конкретных сфер социального бытия. Основные выводы, сделанные авторами, позволяют увидеть, что неформальные практики, включающие в себя такие социокультурные концепты, как деятельностные ориентации и установки, ценности и экспектации, наряду с официально закрепленными и социально одобряемыми поведенческими паттернами обуславливают эффективность intersубъективных взаимодействий и привлечение дополнительных ресурсов. Подчеркивается, что в реалиях современного общества в общепланетарном масштабе сферы жизнедеятельности регулируются как формальными нормами, так и привносимыми интеллектуальными сетями идеями, в которых содержатся неформальные правила.

Ключевые слова:

интеллектуал, неформальная практика, общество, идея, институт, норма, ценности, политика, экономика, наука

Введение

Исходным положением для многих социально-философских концепций является тезис о нормативной обусловленности протекающих в обществе процессов. Говоря более точно, следует отметить, что наличие формализованных способов взаимоотношений определяет стабильность социальной системы – таков основной посыл подавляющего большинства позиций, представители которых рассматривают статику и динамику обществ. Базовым положением полагается существование некоторой иерархии норм, которые детерминируют все множество intersубъективных взаимодействий и тем самым определяют правила персональных и коллективных практик.

В рамках обозначенной логики подчеркиваем, что нарушение устоявшихся требований рано или поздно приведет к санкциям со стороны общественной системы. Будучи мягкими или жесткими, такие меры включают в себя наказания за нарушения сложившегося порядка и своей главной целью имеют приведение социального

устройства к вполне конкретной стабильности, то есть закрепленным нормам и требованиям. Именно такое положение дел считается приемлемым, поскольку позволяет сохранить устойчивость социальной системы как ее онтологическую характеристику, обеспечивая множество вариантов для сценариев позитивного исторического развития, подконтрольных доминирующей системе связей и отношений. Конечно же, практические следствия из подобных идей сосредоточиваются вокруг пары «центр – периферия», используемой для организации системы взаимодействий и повышения возможностей в целях повышения управляемости периферии. Использование заранее сформированных и апробированных норм социальной интеракции детерминирует все многообразие практик, следовательно, по мнению властных акторов, повышается возможность достижения необходимых результатов, которые требуются данному обществу.

Подходы к нормативным основаниям социума

Исследователи исходят из того, что существующее развитие и изменения общества сопряжены с деформациями нормативных оснований и его структуры. Среди таковых обращают на себя внимание концепции П. Штомпки и Р. Мертон [\[17;18\]](#). Для первого мыслителя концептуально верным считалось возникновение и закрепление социальных норм, связываемые с нормативными инновациями и диффузией, при которой качественно иные принципы проникают в общественные структуры через дескриптивные правила [\[18\]](#). Он высказывает идею о том, что «активные люди при постановке своих целей ориентируются на ценности, при выборе средств для действий – на нормы, правила» [\[3, с. 122\]](#). В результате, культура благоприятствует и способствует различным видам деятельности, однако в целом ряде моментов ограничивает некоторые формы активности социальных субъектов. На современном этапе понимания нормативности можно сказать, что в абсолютно любом социокультурном пространстве существует совокупность аскриптивных и дескриптивных норм, причем первые из них, представленные в виде требований и запретов, обеспечивают стабильность общества, в то время, как дескрипция открывает возможности для развития. Социум таким образом оказывается не простой площадкой для реализации интересов отдельных людей на основании выбора комбинаций выгодных и эффективных методик.

В свою очередь, Р. Мертон признавал иную схему развития социума через хабиутализацию отступлений от жестких правил. Определенные формы отклонений и смещений от дозволенного и желаемого не вызывают санкций, что позволяет считать такие сдвиги конгруэнтными нормативной системе, или маркируемыми в качестве разрешенных. На этом основании создаются новые нормы, которые отличаются от предыдущих по своему регулятивному потенциалу, содержанию и функционалу [\[17\]](#). Обращаясь к примеру с этосом науки, Р. Мертон показывает, что отход от классических форм, приемов и нормативных оснований исследовательского поиска позволяет повысить качество и эффективность полученных результатов [\[9\]](#).

Формальные и неформальные практики

Следует отметить, что существующие формы регламентации общественных отношений предполагают идею о наличии формализованных практик реализации плюрализма вариантов взаимодействий, а также соответствующих способов разрешения конфликтных ситуаций. Полагается, что формализованные практики в определенном смысле выступают панацеей для преодоления возможных трудностей на пути к эволюционным траекториям развития социальных систем. Однако современные ученые все чаще солидарны в своих мнениях по поводу того, что большая часть отношений, возникающих

между социальными субъектами, реализуется через неформальные практики. К последним относятся такие их разновидности, осуществляемые «на основе неявных правил и ограничений за рамками установленных в обществе норм. Неформальные практики складываются в первичных группах и отражают эмоциональные отношения привязанности, родства, симпатии, уважения, любви, дружбы, соседства» [\[10, с. 128\]](#). Понимаемые в таком ключе нормы трактуются как регуляторы взаимодействий, существующие в качестве неоформленных установлений или же в виде формально не закрепленных правил и принципов.

Кроме этого, неформальные практики могут быть воспроизведены в социальной среде на том основании, что существуют взаимно разделяемые ожидания того или иного поведения в конкретных условиях человеческого общежития. Будучи исторически сложившимися формами коллективной деятельности людей, данные практики становятся неофициальными институциями. При этом обществоведы высказывают идею о значительной части близких отношений между участниками таких интеракций. В политических, экономических и иных вариантах взаимодействий повышается количество согласованных интересов, что свидетельствует об эффективности таких негласных правил.

Следует заметить существование различных видов неформальных практик. Среди таковых можно выделить, к примеру, те, которые сформированы за счет развития технических средств и высокого распространения портативных цифровых устройств. Н.А. Селиверстова пишет, что развитие социальной действительности и формирование виртуальной стороны коллективного существования усиливает эффекты дополненной реальности, когда привычные способы поведения и рутинные действия получают повышенную результативность применения различных девайсов в тех или иных сферах общественной жизни [\[13\]](#). Кроме этого, появившиеся в реалиях цифровизации достижения позволяют удовлетворить различные потребности индивидов за счет упрощения их деятельности в актуальных условиях и увеличения скорости социальных интеракций.

К сказанному следует заметить принципиальное значение идеи П. Бурдье о габитусе, поскольку она дает возможность стандартизировать имеющиеся модели поведения в структуре социальных взаимодействий. Действительно, тем самым, с одной стороны, упрощается контактирование между субъектами, а с другой – повышается эффективность таких интеракций. Вместе с тем, следует полагать, что габитус, в том числе обусловленный процессами дигитализации, правомерно полагать в качестве базиса для использования неформальных практик при сетевых формах взаимодействия. Разумно говорить о том, что неформальный характер социальных практик содержит в себе мощный ресурс для реструктуризации общественных связей и отношений на основании личных коммуникаций. Это становится возможным благодаря гибкости ролей и статусов, а также обращению к эластичности большинства принятых в современном обществе норм [\[6\]](#). Последнее свойство следует понимать главным образом с позиции языковой реальности и возможностей ее широкого толкования именно как инструмента общения. Такое происходит именно ввиду многозначного использования терминов, включенных в нормативное описание социальных связей и отношений, а также на основании приоритета межличностных оснований при организации процессов коллективного бытия. В частности, это может касаться трудовых моментов. Здесь мы можем говорить как о самой неформальной организации данного вида процесса, так и о соответствующих вариантах оплаты труда.

Сети интеллектуалов и их неформальные практики по сферам общественной жизни. Наука и образование.

Аналитика содержания неформальных практик в различных сферах позволяет утверждать, что в функционирующих сетях интеллектуалов реализуются многообразные вариации взаимодействий, которые по своему содержанию не соответствуют устоявшимся нормам, зачастую выходя за их пределы. Так, в системе образования как одной из наиболее ярких версий практического воплощения интеллектуальной среды можно говорить о совокупности неформальных практик, которые закономерным образом приводят как к позитивным, так и к негативным следствиям. Среди последних выделяются услуги репетиторства, завышение оценок или аттестация обучающихся без необходимой проверки, а также ряд других действий, которые по своему содержанию нарушают требования к проведению учебного процесса. По мнению исследователей сферы образования, подобные практики оказывают деструктивное воздействие на систему подготовки компетентных специалистов [\[16\]](#).

Характерно, что существует группа нейтральных по своему содержанию неформальных практик, так или иначе имеющих отношение к системе образования. Как указывает О.А. Симоненко, некоторые из них укоренены еще в университетах средневековой Европы и связаны с претворением определенного церемониала, позволяющего обойти устоявшиеся закрепленные нормы с целью подтверждения определенного отношения к сотрудникам, работникам и иным членам сообщества [\[14\]](#). Вместе с тем следует сказать, что в системе образования и науки получение нового знания может подчиняться неформальным практикам. Причем такой процесс имеет достаточно позитивное значение для осмысления всего массива получаемой об окружающем мире информации. Ценным представляется не только и не столько количество данных, сколько возможность использования неинституционализированных механизмов приобретения знания в условиях современного общества. С.В. Тихонова обращается к концепции М. Полани для обоснования положения о том, что различные социальные сети формируют условия, в которых сами пользователи создают контекст, который может считаться эмпирическим источником неформального знания. Полагается, что формальным, или лучше сказать – формализованным, является то знание, которое подчиняется требованиям официальной науки и системы получения информации. Однако справедливо признать наличие такого массива данных, которые (пока еще или вовсе никогда) не подчиняются требованиям действующих структур научного поиска. Указывается, что «термин “неформальное знание” позволяет показать личностный аспект познания, его реализацию до оформления в институциональные каноны, диктуемые социальными институтами духовного производства – наукой, религией, искусством» [\[15, с. 118\]](#). Получается, что люди, которые не включены в систему таких официальных установлений, производят знание, которое в ряде современных стран признается ненаучным или же вовсе может маркироваться в качестве обыденного. Однако заметим, что производство таких знаний характеризуется использованием достаточно широкого круга влияния по сферам, а также многообразием эмоционально-мотивирующей стороны процесса их получения.

В связи с этим укажем, что сетям интеллектуалов в лице профессиональных ученых логичнее признавать совокупность представлений и данных, получаемых неформальными путями. Вдобавок к этому, нельзя не согласиться с аргументом М. Полани об экзистенциально-окрашенном свойстве процесса познавательной деятельности: «Всякий акт познания включает в себя молчаливый и страстный вклад личности, познающей все, что становится известным, и этот вклад не есть всего лишь некое несовершенство, но представляет собой необходимый компонент всякого знания

вообще» [\[12, с. 318\]](#). Таким образом, принципиальным оказывается не только то знание, которое продуцируется в стенах институционализированной науки, но и то, которое создается на основании внеаучных и доаучных форм постижения окружающей действительности. Можно говорить и о том, что неформальные практики в интеллектуальных сетях определены способностями их участников не только в аспекте получения относящихся к их непосредственной специализации данных о мире, но и для развития науки в целом. Экзистенциально-личностное переживание воспринимаемой информации способно провоцировать формирование все новых и новых знаний, что целесообразно полагать в качестве одного из оснований существования и функционирования рассматриваемых нами сетей.

Важным также представляется и другой аспект неформальных практик, когда речь идет о получении неявного знания. Подчеркнем, что институционализация науки не позволяет продуцировать абсолютно все формы новой информации и знаний. В этом плане ценной становится неформальная интеракция интеллектуалов, которые могут получать информацию, создавать знания и формировать новые идеи на основании проведения совместных экспериментов, исследований и всего того, что так или иначе связано с предметом их профессионального творчества. Усвоение создаваемой информации и продуцирование новых идей становится возможным при условии налаженных личных контактов и общении с коллегами. Таким образом, формируется интеллектуальная сеть, элементы которой позволяют генерировать принципиально новые ментальные конструкты за счет коллаборации человеческого капитала и увеличения потенциала каждого отдельного субъекта, принадлежащего к данному объединению. Используется эмерджентный эффект, при котором эффективность работы всей системы интеллектуальной среды оказывается куда выше, чем совокупность эффективности работы ее членов по отдельности. Целесообразно говорить о необходимости обращения к таким неформальным практикам, как межличностные коммуникации между коллегами, которые де-факто можно считать эффективным основанием эмерджентности интеллектуальной среды.

Вместе с этим, представленная логика требует использования новых критериев эффективности при создании знания и его последующей применимости в реальной деятельности. К таковому можно отнести здравый смысл в различных формах, используемых «для описания: 1) установок, ценностей, традиций, интуиции экспертов/исследователей, прямо не закрепляемых в текстах-результатах и стандартах экспертизы; 2) распределенного коллективного знания, которым обладает организация как коллективный субъект» [\[15, с. 119\]](#). Представленный способ продуцирования знаний и информации позволяет сетям интеллектуалов получать доступ к принятию решений по разным направлениям деятельности в реалиях современной общественной жизни.

Деятельность сетей интеллектуалов в политике

Резонно говорить о том, что формирование и использование ряда социальных идей становится основанием для формирования различных версий «общества знания» и возможностей сетей интеллектуалов оказывать экспертное влияние на политические, экономические и иные процессы. Так, в рамках политической сферы можно наблюдать схожую картину: наличие доминирующих нормативных оснований позволяет осуществить хабиутализацию практик в конкретные формы интеракции на всех уровнях общественного бытия. Однако общеизвестно, что формальные правила не способны регламентировать абсолютно все взаимодействия между участниками социального контактирования. В итоге, признается, что «в результате беспрецедентное расхождение

формальных норм с неформальными практиками оказывается не проявлением антагонизма между легитимной системой управления и ненормативными отклонениями от нее, но неотъемлемой чертой единого, стабильно функционирующего организма власти, саму суть которого составляет рутинизация нарушения формального» [\[4, с. 28\]](#). Практическая полезность неформальных практик в подобных случаях усматривается именно через формирование таких опривыченных моделей поведения, которые облегчают коммуникации и интеракции в социальных системах при любом политическом порядке.

К одним из частных случаев неформальных практик в политическом процессе можно отнести клановость и семейственность. Как известно, эти концепты формируют так называемую «круговую поруку». Своим существованием и содержанием последней успешно удается отодвигать на задний план тот пласт проблем, которые напрямую связаны с государственностью и решением первостепенных задач. В дополнение к этому, исследователи, изучающие практики в связанных с политикой сетях интеллектуалов, высказывают точку зрения, согласно которой «неформальный элемент политико-бюрократических институтов представляет собой, с одной стороны, связующее звено между непредвиденными условиями ее функционирования и формальными принципами – принципами организационной деятельности, с другой – реакцию на формальные правила и процедуры и на особые обстоятельства, которые не предусмотрены общими правилами, но требуют индивидуального подхода» [\[7, с. 35\]](#). Сегодня важное место занимает идея о непредвиденности и рисковости функционирования различных институтов, что определяется дискурсом современного общества в общепланетарном масштабе. Социальный праксис богат кейсами, когда адаптация всей государственной системы будет эффективной, но при обязательном условии использования неформальных механизмов взаимодействия.

По нашему мнению, обращение к подобным подходам и руководство неформальными практиками в полной мере позволяет использовать потенциал сетей интеллектуалов в сфере политики, поскольку целостная система принимает на себя готовность к широкому спектру возможных вызовов, причем как извне, так и изнутри. Ценность рассматриваемых неформальных практик состоит в определении и имплементации различных социальных идей к сфере политического, которые бы одновременно обладали эвристическим и практическим потенциалом при реорганизации условий коллективного бытия. Необходимо отметить, что высокая значимость анализируемых нами практик в сфере политики состоит в индивидуализации процедур, позволяющих отдельным индивидам и целым группам проходить через различные формы социализации [\[8\]](#). Как результат, создается определенная институциональная архитектура, открывающая возможности не только для идентификации персональных версий неформальных интеракций, но и для унификации поведенческих моделей на уровне коллективного взаимодействия.

Самоочевидно, что по мере усложнения общественной жизни к настоящему времени появилось множество трактовок и типологий неформальных практик – однако все они подразумевают определенное отношение к официально закрепленным нормам и обязательное привнесение различных дополнений комбинациями соответствующих элементов. Так, можно говорить о группе практик, в которых высказывается положение об априорной невозможности полной формализации поведения человека и социально-политических процессов. В таком случае партикулярные компоненты суммируются с формальными структурными элементами и тем самым повышают общую эффективность взаимодействий. Другая группа практик позволяют регламентировать

неформализованные потребности социальных субъектов. Третья же разновидность данной деятельности вовсе позволяет игнорировать официально закрепленные модели поведения тех или иных участников, вовлеченных в политические процессы [\[1, с. 46-49\]](#). Итак, вне зависимости от природы неформальных практик, нельзя не сказать об их детерминационных возможностях относительно повышения эффективности протекания политических процессов, что несет в себе ярко выраженный прагматический потенциал. В итоге же, использование неформальных практик сетями интеллектуалов позволяет социальным системам повысить шансы на реализацию своих возможностей эволюционного развития и более точно определить векторы будущих трансформаций.

Неформальные практики в сфере экономики

Сетевые взаимодействия видятся нам полезными и для тех случаев, когда негативные стороны формальных и неформальных элементов взаимонивелируются и функционируют для выборки наиболее приемлемых моделей социальной интеракции. Использование неформальных практик в интеллектуальных средах можно наблюдать и в экономической среде современного общества. Изучая положение дел на некоторых восточных экономических площадках, Т.Н. Журавская высказывает идею о том, что базовые отношения по поводу собственности реализуются на основании амбивалентного характера практик. Одна сторона вопроса заключается в использовании ресурсов действующего правового поля, в соответствии с правилами которого ведется бизнес. Другая же сосредоточивается вокруг определенных схем «обхода» формальных правил с целью поиска способов оптимизации затрат ресурсов на осуществление предпринимательской деятельности [\[5\]](#). В рамках данной дилеммы проявляется практика существования «собственников без собственности», суть которой можно увидеть в том, как реальные экономические агенты, обладающие собственностью на товары, услуги и прочие блага, оформляют свое право на откровенно подставных участников процессов производства, дистрибуции и обмена товаров. И хотя внешние требования к экономической деятельности соблюдаются на должном уровне, практическая реализация подобных интеракций протекает с ярко выраженным преобладанием неформальных компонентов.

Концептуально интеллектуальные сети формируют вполне конкретную базу, которая в последующем реализуется в необходимые и эффективные варианты развития экономических взаимоотношений. Нормативные требования предписывают собственнику оставаться, однако при этом сохраняется достаточно большой уровень формальных императивов и запретов [\[2\]](#). Для нивелирования некоторых из них возникает потребность обращения к неформальным практикам, что способствует более эффективному распределению значимых благ и услуг. В российских реалиях также можно наблюдать ряд форм и способов реализации неформальных практик при ведении экономической деятельности. Здесь можно выделить такие методы, как домашние промыслы, гаражная экономика, отходничество или «рассеянная мануфактура». Высказывается идея о том, что сети интеллектуалов представляют собой не множество высокообразованных субъектов, пользующихся знаниями для производства и воспроизводства необходимых товаров и услуг. Речь идет скорее о многообразии определенных сообществ людей, цель деятельности которых состоит в удовлетворении собственных потребностей или требований небольших групп, а в некоторых случаях и вовсе обеспечить выживание. В такой логике используется ряд принципов, содержательно связанных с нерыночными механизмами деятельности экономических институтов. Полагается, что неформальные практики в системе отношений купли-продажи открывают возможности в полной мере использовать хозяйственный акцент интеракций, сопряженный с коллективистской

структурой и практиками локальных образований: «Такое производство находится по большей части вне капиталистических форм хозяйствования, не ориентировано на использование современных или инновационных технических средств (что, впрочем, спорно), однако здесь широко представлены кооперация и артельный или общинный способ организации труда» [\[11, с. 60\]](#). Вне всякого сомнения, описанный тип экономической активности во многом содержит в себе излишне архаичные элементы функционирующих институтов, которые фасадным образом прикрыты современными юридическими нормами и вовсе облачены в актуальные организационные формы.

Заключение

Подводя итоги исследования, можно сказать, что неформальные практики в сетях интеллектуалов определяются диалектикой внешнего жесткого, институционально установленного и регламентированного, и неформального, того, что фундировано негласными формами и способами реализации. Имея перед собой ярко выраженную праксиологическую цель по достижению продуктивности социальных систем, рассмотренные в настоящем исследовании практики позволяют нивелировать негативное влияние имеющихся формализованных требований и различных феноменов на общественное бытие. Важно, что вне зависимости от предметного поля, неформальные практики предполагают использование модификаций различных идей для изменения наличных условий и сложившихся взаимодействий. Вдобавок к этому, заметим, что онтологическая природа неформальных практик выражается через возможности реализации позитивных и негативных тенденций и действий в условиях социального бытия, тем самым определяя конструктивную или же деструктивную позицию индивидуальных или коллективных субъектов. В первую очередь речь идет о том, что в любом сообществе предполагается необходимость согласования интересов для продуктивного сотрудничества, однако такие действия включают в себя требования компромиссов и связанные с ними частичные уступки. Именно последние можно интерпретировать как несколько негативную сторону интеракций. Вместе с тем, все участники взаимодействий в тех или иных сферах жизнедеятельности имплементируют собственные ментальные конструкты в социальный процесс ради повышения эффективности сотрудничества. В таком ключе сетям интеллектуалов удастся воплощать необходимые практики через дополнение неформальными структурными элементами официально закрепленных нормативных оснований.

Библиография

1. Барсукова С.Ю. Неформальные практики в реализации национального проекта АПК // Социологические исследования. 2008. № 3. С. 43 – 51.
2. Бреславская Т.С. Неформальные экономические практики мигрантов в Улан-Удэ: эконом-социологический анализ процесса рураризации // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. №6. С. 152 – 156.
3. Быкова О.Е. Концепция доверия Петра Штомпки // Философия и общество. 2021. №2. С. 119 – 134.
4. Даугавет А.Б. Неформальные практики российской элиты (апробация когнитивного подхода) // Полис. 2003. № 4. С. 26 – 38.
5. Журавская Т.Н. «Собственники без собственности»: неформальные практики в условиях открытого рынка // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17. №5. С. 52 – 69.
6. Клеман К. Неформальные практики российских рабочих // Социологические исследования. 2003. №5. С. 62 – 72.

7. Макарин А.В. Формальные и неформальные отношения в политико-управленческих структурах современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2008. № 4. С. 33 – 42.
8. Макарин А.В., Будко Д.А. К вопросу о классификации неформальных политических практик // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2013. № 4. С. 103 – 109.
9. Омельченко Н.В., Пашарина Е.С. Принцип сомнения в этосе науки Роберта Мертон // Logos et praxis. 2013. №2 (20). С. 7 – 14.
10. Перинская Н.А. Неформальные практики в условиях социокультурных изменений // Социология и жизнь. 2019. №4. С. 127 – 133.
11. Плюснин Ю.М. Неформальная экономика российской провинции. Источники ресурсов и виды промысловых практик домохозяйств // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. №25 (3). С. 58 – 90.
12. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
13. Селиверстова Н.А. Практики цифрового чтения российской молодежи в ценностном измерении // Социальная стратификация в цифровую эпоху: к 130-летию со дня рождения Питирима Сорокина: XIII Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2019», 2019. С. 951 – 953.
14. Симоненко О.А. Коррупционное поведение и неформальные практики в системе высшей школы и их восприятие участниками образовательного процесса // Университетское управление: практика и анализ. 2013. №5. С. 90 – 96.
15. Тихонова С.В. Производство неформального знания в социальных сетях и проблемы популяризации науки // Лженаука в современном мире: медиасфера, высшее образование, наука. СПб., 2017. С. 118 – 122.
16. Шипкова Е. Н. Репетиторство как проблема педагогической науки и практики // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 2. С. 39-46
17. Merton R. Social Theory and Social Structure. New York: The Free Press / Collier MacMillan, 1968. 698 p.
18. Sztompka P. The Sociology of Social Change. New York: Wiley-Blackwell, 1993. 368 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый материал представляет собой набросок статьи, посвящённой предпосылкам появления и закономерностям функционирования «неформальных практик» в современном обществе. Тема статьи обладает несомненной актуальностью, материал имеет некоторые перспективы публикации в научном журнале, он способен заинтересовать весьма широкий круг читателей. Однако представленный текст в его сегодняшнем виде не может быть опубликован, поскольку содержит множество ошибок и не соответствует ряду принципиальных требований, предъявляемых к научным работам. Так, вызывает недоумение избранный способ работы с литературой. Автор почему-то не обращается к первоисточникам, хотя, например, на русский язык переведены многочисленные работы П. Штомпки и Р. Мертон, так что даже знание иностранных языков не является в этом случае необходимым условием более конкретного знакомства с теми взглядами этих и других исследователей, на которых ссылается автор.

Разумеется, можно обращаться и к критической литературе, но недопустимо предлагать читателю «пересказы пересказов», тем более, что избежать подобных ошибок в данном случае совсем не сложно. Список использованных источников вообще беден, и, кажется, автор просто избегает обращаться к фундаментальным работам, что также вызывает недоумение. В процессе изложения материала автор высказывает ряд интересных наблюдений, касающихся перспектив социального развития, обусловленных появлением «отклонений», нетрадиционных форм коммуникации, нестандартного поведения, и т.п., однако, эти наблюдения читателю нужно ещё обнаружить и вычлени из крайне неряшливо составленного текста. Действительно, синтаксических, стилистических, пунктуационных ошибок так много, что только терпеливый читатель сможет дочитать этот материал до конца. Практически каждый абзац предоставляет возможность указать на подобные ошибки: «основной посыл в подавляющем большинстве научных позициях, представители которых...» («позиций»? И что это за «представители позиций», может быть, «точек зрения», «установок», и т.п.); «базовым мыслится положение...»; «существующее развитие и трансформации общества»; «с деформациями нормативных оснований в его анатомии...» (какое значение имеет здесь «анатомия», неужели нельзя было выразиться иначе?); «...сформированы за счет развития технических средств и высокому распространению...»; «Н.А. Селиверстова приходит к утверждению о том, что...» (к выводу?); «к сказанному следует заметить принципиальное значение...»; «вместе с этим, представленная логика...» (зачем запятая?); «вдобавок к этому, заметим...» (а тут и запятую можно бы простить, но что такое «вдобавок»?), и т.п. Если автор решит перерабатывать статью, можно было бы порекомендовать также снабдить изложение подзаголовками, содержание материала позволяет это сделать. На основании сказанного представляется правильным заключить, что статья может представлять определённый интерес для читателя, но для публикации в научном журнале должен быть расширен круг источников, включены в рассмотрение работы самих упоминаемых социологов, исправлены стилистические и пунктуационные ошибки. Рекомендую отправить статью на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье «Неформальные практики в сетях интеллектуалов: социально-философский анализ» предмет исследования – неформальные практики, к которым относятся социальные практики, осуществляемые на основе неявных правил и ограничений за рамками установленных в обществе норм. Цель исследования в явном виде в данной работе не заявлена.

Теоретико-методологические основы исследования в явном виде не обозначены, можно предположить, что авторский подход основан на противопоставление нормативным подходам, описывающим организацию социума. В качестве метода исследования используется анализ произведений и рефлексия, направленная на осмысление неформальных практик как общественного феномена.

Актуальность социально-философского анализа неформальных практик в сетях интеллектуалов обусловлена необходимостью глубокого понимания влияния этих практик на развитие общества и культуры. Такой анализ помогает раскрыть, как неформальные связи и обмен идеями между интеллектуалами способствуют формированию новых социальных практик. Отметим, что сам автор никак не обосновывает актуальность социально-философского анализа неформальные практики в

сетях интеллектуалов.

Это исследование подчёркивает важность неформальных практик в общественной жизни и их роль в формировании продуктивных взаимодействий. Научная новизна публикации связана с обоснованием позиции о том, что неформальные практики в сетях интеллектуалов позволяют нивелировать негативное влияние формализованных требований на общественное бытие. По мысли автора (ов), неформальные практики в сетях интеллектуалов предполагают модификации различных идей для изменения текущих условий осуществления деятельности. Заслуживает также внимание вывод, что участники взаимодействий в сетях интеллектуалов внедряют собственные ментальные конструкты для повышения эффективности сотрудничества. Но хотелось бы обратить внимание, что отсутствие авторской интерпретации того, что из себя представляют сети интеллектуалов, не позволяет признать, что все вышесказанное относится только к данному объекту исследования.

Данное исследование характеризуется общей согласованностью, которая задаётся последовательным описанием: 1) подходов к нормативным основаниям социума; 2) различие формальных и неформальных практик и 3) особенности неформальных практик интеллектуалов по сферам общественной жизни: наука и образование, политика и экономика. Содержание соответствует требованиям научного текста. В целом работе присущ хороший уровень философской рефлексии. Выводы можно признать обоснованными в части науки, образовании, политики, но экономики. Автор пишет: «В российских реалиях также можно наблюдать ряд форм и способов реализации неформальных практик при ведении экономической деятельности. Здесь можно выделить такие методы, как домашние промыслы, гаражная экономика, отходничество или «рассеянная мануфактура». В последнем случае приведённые рассуждения и примеры неформальных практик нельзя идентифицировать как реализуемые в среде интеллектуалов.

Библиография работы включает 18 публикаций и состоит в основном из произведений, анализирующих неформальные практики. Таким образом, апелляция к основным оппонентам из рассматриваемой области присутствует в полной мере.

Статья будет представлять интерес для специалистов в области социальной философии и социологии, а также лиц, интересующихся проблематикой этих дисциплин.

Вывод: Статья «Неформальные практики в сетях интеллектуалов: социально-философский анализ» имеет научно-теоретическую значимость. Данная статья может быть рекомендована к публикации, после повышения убедительности аргументов о существовании неформальных практик среди интеллектуалов в сфере экономики, а для это автору необходимо уточнить сами понятия «интеллектуалы» и «сети интеллектуалов».